

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.25>

Задворнов Андрей Николаевич

Происхождение языковой способности человека в процессе антропосоциогенеза

В статье рассматриваются уникальные характеристики человеческого языка, подходы к происхождению языковой способности человека. С опорой на культурологические и генетические данные делается вывод о поэтапном формировании речи от пиджина к креольскому языку. Наиболее активная фаза развития языка протекала на стыке эпох мустье - шатальперон - ориньяк и была вызвана атипичной моделью межвидового взаимодействия древних людей и неандертальцев. Подчеркивается, что под давлением неандертальцев древние люди перешли к суггестивному взаимодействию между собой. В результате стало возможным преодоление первосигнальных раздражителей ресурсами зарождающейся второй сигнальной системы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/3/25.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 124-127. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философская антропология, философия культуры

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

УДК 1; 572.1/4

Дата поступления рукописи: 10.02.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.25>

В статье рассматриваются уникальные характеристики человеческого языка, подходы к происхождению языковой способности человека. С опорой на культурологические и генетические данные делается вывод о поэтапном формировании речи от пиджина к креольскому языку. Наиболее активная фаза развития языка протекала на стыке эпох мустье – шатльперон – ориньяк и была вызвана атипичной моделью межвидового взаимодействия древних людей и неандертальцев. Подчеркивается, что под давлением неандертальцев древние люди перешли к суггестивному взаимодействию между собой. В результате стало возможным преодоление первосигнальных раздражителей ресурсами зарождающейся второй сигнальной системы.

Ключевые слова и фразы: языковая способность; вторая сигнальная система; пиджин; суггестия; межвидовое взаимодействие.

Задворнов Андрей Николаевич, к. филос. н., доцент
Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
egri-PF@yandex.ru

Происхождение языковой способности человека в процессе антропосоциогенеза

Речь определяется как процесс и результат языковой деятельности. Язык – уникальная человеческая способность, система передачи смыслов. В животном мире она не представлена даже в рудиментарной форме. Так, несмотря на то, что человекообразные приматы обладают значительной частью нервного аппарата, необходимого для функционирования языка, они тем не менее лишены способности языковой трансляции мысли. Отдельные приматы способны коммуницировать единичными сигналами. Например, зеленые мартишки (Восточная Африка) используют специальные сигналы тревоги для обозначения отдельных угроз (орел, змея, леопард). В зависимости от сигнала мартишки смотрят либо на землю, либо в небо или прыгают в кусты. Однако подобная коммуникация не является языком или речью, поскольку мартишка не может сочетать сигналы между собой и, например, «сообщить, что, по ее мнению, “орлы опаснее леопардов”» [4, с. 66]. Нет никаких убедительных свидетельств о том, что животные способны выстраивать знаки в последовательности, извлекая новые смыслы. Звуковые сочетания, доступные животным, не связаны с понятиями и лишены синтаксиса. Взаимодействие животных происходит при помощи набора сигналов с определенным значением. Язык человека устроен принципиально иначе. Он основан на буквах алфавита, которые выступают элементами для комбинации бесконечных смыслов. К сожалению, нет и достаточных сведений о коммуникативных способностях палеоантропов, например неандертальца и *Homo erectus*.

Цель исследования состоит в рассмотрении подходов к формированию языковой способности человека в процессе антропосоциогенеза. **Актуальность** темы обусловлена поиском эволюционных механизмов перехода от биологической к социально-коммуникативной природе человека. Отметим, что классическая эволюционная теория оставляет открытым вопрос о том, почему речь не развилась у других биологических видов, а человек стал единственным исключением. Язык, несомненно, давал массу преимуществ его обладателю и с точки зрения эволюционной теории должен был стать распространенным явлением в различных популяциях. В этой связи исследовательская **задача** состоит в определении уникальных стимулов для возникновения языковой способности человека. Решение исследовательской задачи основано на синтезе эволюционной и дивергентной теорий. Указанный синтез составляет **научную новизну** и открывает перспективы для исследования антагонизма между древними людьми и неандертальцами как уникальной эволюционной ситуации для формирования языковой способности человека.

Вопрос о происхождении речи напрямую связан с проблемой датировки ее происхождения. Общий предок шимпанзе и человека не разговаривал, иначе этим качеством были бы наделены и приматы. Учитывая, что все

человеческие расы владеют языком, можно предположить, что речь начала формироваться еще до африканского исхода. В то же время развитый современный язык возник в период колонизации Юго-Восточной Азии и Европы. Именно на этом этапе человеческой эволюции появляется искусство, которое возможно только при условии символического мышления. Основой художественного творчества выступает способность передачи абстрактных идей. Предметы искусства начали появляться в археологических находках, время возникновения которых датируется приблизительно 50000-40000 лет назад. В период позднего палеолита стремительно возрастает разнообразие орудий труда (в отличие от однотипных грубых каменных орудий олдувайской культуры), которые нуждались в специфическом наименовании. Отсюда вероятен вывод о наличии у неонтропов ориньякской культуры структурированного словаря для обозначения артефактов. Обращает на себя внимание и произошедшая в этот период модификация гена FOXP2, который обслуживает языковые способности человека. Группой ученых из Лейпцигского института эволюционной антропологии общества Макса Планка во главе со Сванте Паабо было установлено, хотя и довольно примерно, что все люди получили последнюю модификацию гена FOXP2 «совсем недавно – определенно в последние 200000 лет» [7, p. 871].

Таким образом, языковая способность человека начала формироваться в эпоху мустье. Шательперон становится временем большого скачка, который и обусловил появление в период ориньяк развитого современного языка. Однако остается открытым вопрос о том, какие стимулы могли запустить эволюцию языка.

Можно выделить несколько подходов к формированию речи как языковой деятельности.

1. Классический марксистский подход утверждает, что язык возникает из необходимости взаимодействия с другими людьми. Потребность опосредована сознанием и обусловлена общественно-производственными задачами сообщества. Иными словами, «сознание как предшествующий этап человеческой трудовой деятельности и обуславливающий последнюю является отправным пунктом и детерминирует зарождение и дальнейшее развитие речевой деятельности» [2, с. 130].

2. Языковая способность развилась из мозговой структуры, которая первоначально отвечала за другие функции. В рамках этой точки зрения происходит связь между навигацией и рекурсией. Первая предполагает способность животного запоминать путь и возможные отклонения от него. Если предположить, что гены, кодирующие навигацию, продублировались, то этот дополнительный набор мог начать обслуживать язык. Рекурсия – это способность включать одно высказывание внутрь другого, более крупного формирования цепочки смыслов. Дубль навигационного модуля мог стать мозговой структурой, обслуживающей рекурсию, а значит, способной раскрывать картину мира посредством языка. Такое видение проблемы происхождения языка представлено в исследованиях Марка Хаузера, Ноама Хомского и Текумзе Фитча [8].

3. В человека заложена генетическая «микросхема» (универсальная грамматика), обеспечивающая овладение языком. Языковая способность – врожденная ментальная структура, вследствие чего дети усваивают грамматические правила любого языка.

При таком подходе речь определяется как генетически запрограммированный феномен, что находит подтверждение в исследованиях оксфордских генетиков Джейн Херст, Сесилии Лэй, Саймона Фишера и Энтона Монаха. Они обнаружили генетическую патологию, которая провоцирует серьезные языковые расстройства, при сохранении среднего уровня интеллектуального развития. Патология содержится в гене FOXP2. Кодимруемая этим геном молекула белка содержит не аргинин, а гистидин. В результате языковые расстройства охватывают не только сферу грамматики, но и, как было выявлено лингвистом Фаране Варгой-Кадем, выражаются в «нарушении быстрой и точной координации ротолицевой мускулатуры, в том числе мышц, участвующих в последовательной артикуляции звуков речи» [11, p. 12698].

Ген FOXP2 играет определяющую роль в процессе выработки белка как фактора транскрипции, оснащающего несколько областей мозга в период внутриутробного развития. Патология гена FOXP2 приводит к существенному снижению числа нейронов в зоне Брока (мозгового центра, отвечающего за моторную организацию, воспроизведение речи). Параллельно возрастает количество нейронов в области Вернике, что приводит к рецептивной афазии, то есть неспособности соединить слова в осмысленные фразы.

Мозг человека обладает способностью строить предложения различной структуры, чтобы более полно выразить свою мысль и на основе имеющихся слов давать названия новым предметам и явлениям. Лексика и синтаксис выступают взаимодополняющими комбинаторными системами мозга. Еще Чарльз Дарвин отмечал, что способность понимать звучащую речь кажется инстинктивной в отличие от стремления варить или писать.

Сторонники присутствия в природе человека генетической «микросхемы» полагают, что ее возникновение было вызвано «специфической мутацией «праЕвы», которая давала коммуникационное, а следовательно, и организационное преимущество ее потомству. В коммуникативном сообществе этих потомков и сложился единый праязык» [1, с. 71]. При этом указывается на случайный характер возникновения генетической мутации, приведшей языковую способность человека в современное состояние.

4. Язык происходит из жестикულიций. Заметим, что звучащая речь, как правило, сопровождается жестом, даже когда один собеседник непосредственно не наблюдает своего визави, например во время общения по телефону или в темноте. Обоснование этой точки зрения мы находим в исследовании психолога из Оклендского университета в Новой Зеландии Майкла Корбаллиса [6].

Убедительным подтверждением этой версии стали два родившихся в XX веке языка для глухих носителей (в никарагуанской школе, основанной Хоуп Сомоса, и аль-сайидский жестовый язык). Например, в никарагуанской школе дети разработали оригинальную систему жестовых кодов, которые в дальнейшем эволюционировали в сложный язык с собственным синтаксисом. Если вначале цифру 20 показывали двухкратным выбрасыванием десяти пальцев, то в дальнейшем эту цифру уже показывали одной рукой, причем жестом, который не был похож на цифру 20. Майкл Корбаллис полагает, что протоязык «возник как главным

образом жестовый, включающий в себя движения тела, в особенности рук и мышц лица» [Ibidem, p. 205], а звуковая речь возникла позже, после серьезных эволюционных изменений.

5. Язык родился как продолжение груминга (взаимное перебирание, чистка шерсти от паразитов). Размер группы различных видов мартишковых не превышает 50 особей. При этом обезьяны тратят до 20% активной части суток на чистку шерсти сородичей. В условиях увеличения группы (родоплеменные объединения охотников и собирателей достигали 150 особей) пропорционально возрастало бы количество времени, которое расходовали члены сообщества на груминг. Следовательно, понадобился заменитель, позволяющий поддерживать дружественные связи и при этом оставляющий больше времени, например, на добычу пропитания. Язык и стал таковым заменителем груминга. Эту оригинальную гипотезу предложил ученый Ливерпульского университета Робин Данбар [5].

6. Половой отбор стал причиной появления языка. Здесь уместна следующая аналогия. Хвост павлина сформировался в ходе эволюции как результат выбора самок. Красота павлиньего хвоста свидетельствует о качествах его обладателя. Речь также является демонстрацией мыслительных способностей человека, его мировоззрения, а значит, может выступать инструментом выбора полового партнера. Такое прочтение эволюционных стимулов развития языка предлагает психолог Джеффри Миллер [9].

7. Языковая способность стала адаптивной реакцией на новую экологическую нишу, которую заняли люди. Выживание в новой среде требовало обширных знаний о растениях и животных, технологиях хозяйственной деятельности, правилах сообщества. Для передачи накопленных знаний будущим поколениям понадобился механизм, в качестве которого и выступал язык. Как пишет автор этой идеи Стивен Пинкер, «с точки зрения зоологии необычные качества *Homo sapiens* можно объяснить тем, что люди обрели способность кодировать информацию о причинно-следственной структуре мира и распространять ее. Вся наша гиперсоциальность оттого, что информация – это ценный товар, ради обмена которым стоит тратить время на общение с себе подобными» [10, p. 29].

Совершенно очевидно, что язык, прежде чем приобрести современный вид, должен был пройти в своем развитии промежуточные этапы. В этом вопросе вызывает интерес концепция Дерека Бикертонна, который предложил общий принцип эволюции человеческого языка. Первые языки были похожи на пиджины, то есть языки с примитивным словарем и минимальной грамматикой. Предназначение пиджинов – это обеспечение первичного понимания между двумя сообществами. Вполне вероятно, что пиджин понадобился как способ взаимодействия между древними людьми и неандертальцами. В дальнейшем пиджин обогатился набором грамматических правил и эволюционировал в полноценный язык. Оформившиеся и развившиеся пиджины называют креольскими языками. Иными словами, первый язык состоял из лексики, а синтаксис появился позже.

Начало взаимодействия древних людей с неандертальцами вызвало потребность в пиджине и в дальнейшем способствовало развитию синтаксического мышления сапиенсов и появлению звучащей речи. При этом неандертальцы не смогли перейти к полноценному языку, что обусловлено, во-первых, моделью взаимодействия с сапиенсами, а во-вторых, их анатомическими особенностями (слабым развитием лобной доли головного мозга и речевого аппарата). Троглодиты, изначально заняв господствующее положение по отношению к древним людям, не нуждались в суггестивном взаимодействии между собой. В свою очередь, покорение неантропов стало причиной освоения ими суггестии и контрсуггестии, которые и явились дорогой к сложному синтаксически полноценному языку, обладающему богатым лексическим запасом. Образно выражаясь, интеллектуальная пропасть между древними людьми и неантропами преодолевалась синтаксическим мостом.

Центральная нервная система человека включает сенсорно-афферентный блок, отвечающий за приём и анализ разнообразных раздражений. Второй блок – эффекторный – осуществляет двигательные и вегетативные реакции. Оба блока тесно связаны с третьим – суггестивным блоком. Он заменяет сообщения, приходящие из первого и второго блока, другими, вызываемыми по второй сигнальной системе. Суггестивный блок являлся регуляторным и изначально основан на межиндивидуальном взаимодействии. Впоследствии третий блок становится способом самоорганизации одного индивида, что связано с переходом суггестии в контрсуггестию. Иными словами, в филогенезе происходит процесс, в результате которого интерпсихическое действие становится интрапсихическим (по Выготскому – Лурье). В морфологии головного мозга этот процесс сопровождался развитием префронтального (речевого) отдела лобной коры. Межвидовое взаимодействие сформировало условия, в которых требовалось подчинение действий человека словесной задаче. Вследствие этого происходила выборочная активизация нужной нейрофизиологической системы.

Вторая сигнальная система в своих истоках находилась в антагонизме по отношению к первосигнальным раздражителям. Речь рождалась на дологическом уровне, то есть была онтологичной и не принадлежала сфере гносеологии. Она являлась «системой принудительного воздействия на поведение друг друга... Тут нет отношения субъекта к объекту, а есть лишь отношение организма к организму» [3, с. 568]. С точки зрения Б. Ф. Поршнева, именно по этой причине древнейшие зоны речевой деятельности формировались в двигательной части головного мозга. По той же причине «глаголы древнее и первичнее, чем существительные. Эту глагольную фазу можно представить себе как всего лишь неодолимо запрещающую действие или неодолимо побуждающую к действию» [Там же, с. 575].

Возникновение речи, в том числе её фонологической группировки звуков, становится стимулом для прогресса нервных центров головного мозга, а также соответствующих скелетно-мышечных органов. В свою очередь, прогресс нервных центров способствовал развитию фонологической функции. Вторая сигнальная система на ранних стадиях не имела связи с познанием, обменом информацией и мышлением. Функция отражения предметной среды, а значит, и регуляция самостоятельной предметной деятельности индивида сохранялись за первой сигнальной системой. Важно прояснить, по каким причинам и как происходило расширение функционала второй сигнальной системы и протекал переход к предметному мышлению (речемыслительной функции).

Подавляющая часть действий предметна, следовательно, суггестивные команды носили не только звуковой, но и двигательно-предметный характер, например движение руки вверх (вниз) или указание на те или иные объекты. В результате формируются синтагмы как пары взаимосвязанных звуковых и предметных сигналов. При этом оба элемента взаимозаменяемы, то есть характеризуются дипластией. Подчеркнём, что для возникновения речи требовалась межгрупповая оппозиция, поскольку только при «трении» групп могли появиться первые социально обработанные языковые конструкции: «мы» и «не мы», «наше» и «не наше». «Антагонизм между палеоантропами и неантропами явился важнейшим фактором развития атрибутов разума и, в частности, социально-коммуникативной природы современного человека» [12, р. 665].

Палеоантропы, вступив в атипичное взаимодействие с ранними людьми и принудив их к насильственному альтруизму, теряли свою адаптивность к сложным и меняющимся условиям внешней среды, то есть встали на путь инволюции. Отсюда парадоксально большая близость к сапиенсам ранних (атипичных) неандертальцев. Их поздние классические потомки имели примитивный речевой аппарат и менее развитые лобные доли головного мозга. Древние люди, освоив социальное поведение, опосредованное речью, обеспечили себе высокую адаптивность, рост собственной популяции и постепенно ограничили доступ неандертальцев к пищевым ресурсам, что и привело их к вытеснению и дальнейшему исчезновению.

Таким образом, эволюционная теория утверждает, что орган или способность формируются постепенно на основе имеющихся экзапаций. Однако языковая способность развилась только у человека, что свидетельствует об экстраординарном характере ситуации, возникшей в процессе филогенеза сапиенсов. Уникальным стимулом формирования языка стал насильственный альтруизм, сопровождавший межвидовое взаимодействие. На наш взгляд, «разблокировка» когнитивности произошла вследствие начала контактов между древними людьми и неандертальцами. Последние, используя свою способность к интердикции и физическое превосходство, принуждали древних людей отчуждать часть своей добычи в пользу палеоантропов. Биологический инстинкт призван обеспечить сохранение рода и самосохранение и поэтому исключает передачу благ другому виду. Дивергенция древних людей и неандертальцев привела к зарождению образа жизни, вступающего в противоречие с первой сигнальной системой. В рамках нашего подхода дивергенция понимается не как расхождение единого вида в эпоху плейстоцена (как это трактовал Б. Ф. Поршнев), а как столкновение разных видов в более поздний период исхода древних людей из Африки.

Отчуждение благ другому виду должно было регулироваться системой принудительного воздействия, которым и становится речь как языковая деятельность. В дальнейшем древние люди, находясь на эволюционном пути к неантропам, совершенствовали язык, который выступал и как ограничитель действия первосигнальных раздражителей, и как способ самоорганизации, позволивший освободиться от давления неандертальцев.

Список источников

1. Букалов А. В. О происхождении и развитии человеческого языка // Соционика, ментология и психология личности. 2001. № 6. С. 71-73.
2. Измайлов А. З. Происхождение и развитие человеческой речи // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 129-133.
3. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: ФЭРИ-В, 2006. 640 с.
4. Уэйд Н. На заре человечества: неизвестная история наших предков. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 540 с.
5. Barrett L., Dunbar R., Lycett J. Human Evolutionary Psychology. Princeton: Princeton University Press, 2002. 448 p.
6. Corballis M. From Hand to Mouth: The Gestural Origins of Language // Language Evolution / ed. by M. H. Christiansen, S. Kirby. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 201-218.
7. Enard W. et al. Molecular Evolution of FOXP2, a Gene Involved in Speech and Language // Nature. 2002. Vol. 418. P. 869-872.
8. Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W. T. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science. 2002. Vol. 298. P. 1569-1579.
9. Miller G. The Mating Mind. L.: Vintage, 2009. 544 p.
10. Pinker S. Language as an Adaptation to the Cognitive Niche // Language Evolution / ed. by M. H. Christiansen, S. Kirby. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 16-37.
11. Vargha-Khadem F. et al. Neural Basis of an Inherited Speech and Language Disorder // Proceedings of the National Academy of Science. 1998. Vol. 95. P. 12659-12700.
12. Zadornov A. N. et al. Atypical model of the interaction of Neanderthals and early Neanthropes as human mind evolution factor // Asian Journal of Microbiology, Biotechnology and Environmental Sciences. 2018. Vol. 20. № 2. P. 662-668.

Development of Human Language Ability in the Process of Anthroposociogenesis

Zadornov Andrei Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Naberezhnye Chelny Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
egpi-PF@yandex.ru

The article examines unique features of the human language, considers approaches to the problem of origin of the human language ability. Relying on culturological and genetic data, the author concludes about stage-by-stage evolution of speech from the pidgin to the creole language. The most intensive language development occurred at the turn of the Mousterian – Châtelperronian – Aurignacian epochs and was conditioned by atypical interspecific interaction of the ancient people and the Neanderthal men. The researcher emphasizes that under the influence of the Neanderthal men, the ancient people came to suggestive interaction. As a result, signals of the first signal system were suppressed by the forming second signal system.

Key words and phrases: language ability; second signal system; pidgin; suggestion; interspecific interaction.